

Титов К.В. Экономическая власть и олигархические корпорации неопатримониального государства в Советской России 1917–1918 годов // *Технологос*. – 2019. – № 2. – С. 102–116. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.2.08

Titov K.V. Economic Power and Oligarchic Corporations of the Neo-patrimonial State in Soviet Russia of 1917-1918. *Technologos*, 2019, no. 2, pp. 102-116. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.2.08

DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.2.08

УДК 338.2(47+57)“191”

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ОЛИГАРХИЧЕСКИЕ КОРПОРАЦИИ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1917–1918 ГОДОВ

К.В. Титов

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 31 марта 2019 г.
Принята: 07 июня 2019 г.
Опубликована: 28 июня 2019 г.

Ключевые слова:

экономическая власть, неопатримониализм, институты, ведомственные группы, корпорации, национализация, рабочий контроль, фаб-завкомы, деловые советы, Совет народного хозяйства Уральской области, Областное управление национализированными предприятиями Урала, Высший совет народного хозяйства.

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка рассмотреть в новых концептуальных рамках такой традиционный историографический сюжет, как «становление системы управления национализированной промышленностью в Советской России». Указанный объект исследования опредмечивается как институциональная система экономической власти, представлявшая собой совокупность неопатримониальных олигархических корпораций, осуществивших «захват революционного государства», включая «органы управления национализированной промышленностью». Сплоченные благодаря особенностям своего генезиса по специфическому «ведомственному» принципу и обладая собственными властными ресурсами, эти корпорации приобрели олигархический характер в смысле независимости как от центральной власти, так и от рабочего движения, изначально их породившего. Конструируемая таким образом экономическая власть сразу же оказалась несовместимой с понятием экономической эффективности. Основным направлением активности её агентов была «межведомственная борьба» за сферы влияния и лишение предприятий самостоятельности. Предположительно именно эти имманентные свойства институтов экономической власти предопределили вектор её дальнейшего развития – подчинение политической власти (методами от Большого террора 30-х годов до «бюрократического рынка» и «вертикали власти»). Однако в данную систему с самого начала её формирования были парадоксальным образом включены её несистемные элементы в виде рыночных взаимодействий, составлявших как бы «второй контур» экономики. На протяжении всей советской истории это создавало потенциальную возможность рыночной инверсии системы (НЭП, косыгинский хозрасчет, «шоковая терапия»), которая, однако, так и не была реализована. Наличие этого противоречия, просматривающегося как на уровне институтов, так и на уровне практик, позволяет поставить вопрос, может ли это имманентное противоречие в конечном счете стать всё же источником смены актуальной российской институциональной матрицы, порождающей до сих пор неэффективные формы власти и собственности.

© ПНИПУ

Титов Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-0436>, e-mail: adocenttpoi@gmail.com.

Konstantin V. Titov – PhD, Associate Professor, Department of Public Administration and History,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-0436>, e-mail: adocenttpoi@gmail.com.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

ECONOMIC POWER AND OLIGARCHIC CORPORATIONS OF THE NEO-PATRIMONIAL STATE IN SOVIET RUSSIA OF 1917–1918

Konstantin V. Titov

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

ARTICLE INFO

Received: 31 March 2019
Accepted: 07 June 2019
Published: 28 June 2019

Keywords:

economic power, neo-patrimonialism, institutions, nationalization, workers' control, the Supreme Council of National Economy, the Council of the National Economy of the Ural region, the Regional Government of the nationalized enterprises of the Urals.

ABSTRACT

The attempt to consider such historiographical subject as “the establishment of the administrative system of the nationalized industry in the Soviet Russia” in modern conceptual frames has been made in this article. This subject of research is objectified as institutional system of economic power presenting the complex of neo-patrimonial oligarch corporations which performed “the conquest of revolutionary state” including “the institutions of ruling the nationalized industry”. Being flocked together due to their institutional origins and having their own resources of power these corporations became oligarchic in the sense of their independence both from the central power and from labor movement which originally gave them birth. Economic power constructed in this way appeared from its very beginning to be incompatible with the idea of economic efficiency. The main trend of its agents' activity was inter-institutional struggle for the spheres of influence and depriving the enterprises of independence. One can suppose that just these features immanent for the institutions of economic power shaped the vector of its further development (by means of “great terror” through “bureaucratic market” to the “vertical of power”). But from the very start this system paradoxically included non-systemic elements which formed something like “second circle” of economy. Over a period of the Soviet history these elements gave potential chance of market inversion of the economy which was never realized (the New Economic Policy, Kosygin's *khozrashchet*, “shock therapy”). This contradiction seen both on the institutional and practical levels lets one to put forward a question: whether this immanent contradiction can in the last case become the source of changing Russia's actual institutional matrix which in the past produced only ineffective forms of power and property.

© PNRPU

В одном из своих выступлений в мае 1918 года В.П. Ногин (на тот момент заместитель наркома труда РСФСР и член Президиума ВСНХ) отмечал: «...посещая национализированную фабрику или завод, вы зачастую услышите возгласы: вот приехал хозяин. Эти хозяева распоряжаются по-новому, но в умах наших рабочих еще не определилась разница между старым управлением и новым; широкие слои рабочего класса не чувствуют этой разницы» [1, с. 254–255]. Подтверждений того, что «в умах наших рабочих» ситуация оценивалась именно так, в документах 1917–1918 годов множество. Вот, например, заявление члена фабзавкома одного из уральских заводов с просьбой об увольнении, где в качестве мотивировки указана следующая причина: «...а потом еще сыплются такие нарекания, что вот новые правители народные грабители, но я, товарищи, не знаю, чего мы украли, а потом еще такой факт, что вот у нас было старое правительство заводское, их никто не бил, а новых управляющих завода начинают бить» [2, л. 189].

Эти новые «хозяева» и «правители» позиционировали себя как представители *государственных органов управления* промышленностью, национализированной пролетарским государством. И новое государство, и органы управления национализированной промышленностью, возникнув на волне «революции самоуправления» [3], уже по мере и в ходе своего генезиса в короткий период октября 1917 – весны 1918 годов эмансипировались от рабочих масс, и начали над ними доминировать. Новые хозяева и правители осуществили, выражаясь языком Ш. Эйзенштадта, «захват государства» (в том числе интересующих нас органов управления промышленностью¹), которое приобрело ярко выраженный неопатримониальный характер. «Похищенные у революции» государство и промышленность оказалась в руках новых

¹ Органы управления промышленностью представляли собой на первый взгляд централизованную систему государственных отраслевых и территориальных ведомств, во главе с ВСНХ с его отделами и подчиненными ему региональными Совнархозами и, появившимися позднее и существовавшими параллельно с СНХ, отраслевыми главками и центрами.

элитных групп, которые изначально сформировались как *корпорации* (ведомственные группы), причем корпорации *олигархические*, т.е. фактически независимые от центральной власти благодаря самому характеру своего возникновения и специфике рекрутирования.

Внутри этой агломерации слабо интегрированных ведомственных групп шла постоянная борьба за перераспределение экономической власти, причем по двум взаимосвязанным направлениям: *bellum omnium contra omnes* между самими группами за расширение сферы собственного влияния и борьба за подчинение предприятий, оказавшихся в ходе «революции самоуправления» во власти трудовых коллективов в лице их выборных органов (фабзавкомов, деловых советов и т.п.).

При этом такие вопросы, как подъем производства, экономический рост или хотя бы стабилизация экономики, не только не были приоритетными, но и приносились в жертву корпоративным интересам. Более того, борьба за подчинение предприятий своему регулирующему воздействию и борьба конкурирующих кланов за сферы влияния имели неизбежным итогом то, что получило название «экономической разрухи».

К этим выводам вплотную подошла уже историография советского периода, собравшая значительный фактический материал². Однако, поскольку авторы, кроме «ревизионистов» (в советском смысле этого слова), воспринимали отмеченные ими противоречия как временные трудности становления социалистической экономики, соответствующие сюжеты лишь демонстрировали неизбежные перипетии борьбы за построение социализма.

Крах советской исследовательской парадигмы во второй половине 1980-х годов позволил перенастроить исследовательскую оптику, и факты, свидетельствующие ранее о «преодолении детских болезней», заговорили совсем по-иному. Однако именно в этот период интерес исследователей к этой теме угас³. Исследования продолжались, но больше по инерции, и новый материал, за редким исключением [11, 12], рассматривался в старом ключе [13, 14, 15]. Это угасание интереса было вполне закономерно: казалось, что институциональная преемственность прервана и изучение прошедшей эпохи потеряло актуальность. Однако в итоге, хотя мы и увидели ожидаемый транзит, но он, увы, оказался не демократическим, а посткоммунистическим.

Осознание этого факта породило целое направление в литературе, посвященное «самоподдерживающимся институциональным матрицам», «институциональным ловушкам» [16], «подрывным институтам постсоветского неопатримониализма» [17, 18, 19], а также «исторической колее» [20] и проч. Оживились и исторические исследования [3]. Автор предлагаемой читателю статьи нескромно желает добавить свой слабый голос провинциального историка в этот хор, дабы рассмотреть старый историографический сюжет в новой концептуальной рамке.

Итак, вернемся к нашему исходному тезису о том, что советская институциональная система экономической власти-собственности изначально зародилась как слабоинтегрированная совокупность неопатримониальных олигархических корпораций. Можно говорить о некоей типологической схожести этого процесса с процессами становления государств Нового времени, когда центральная власть, не имея возможности контролировать ситуацию на местах, опиралась на корпорации местных нотаблей с их клиентскими сетями [21, 22, 23]. Действительно, созданный в декабре 1917 года ВСНХ не имел изначально даже подобия того, что М. Манн назвал «инфраструктурной властью», т.е. был лишен институциональной возможности реализовывать свои решения. Местные «хозяйственные органы» зарождались и получали легитимность самостоятельно.

² Не имея возможности дать здесь развернутый историографический обзор, отошлем читателя к некоторым обобщающим историографическим и библиографическим работам [4, 5, 6, 7, 8, 9].

³ К числу утративших интерес автор должен честно отнести и себя [10].

Так, 30 ноября 1917 года (т.е. еще до формирования ВСНХ) по инициативе Областного совета было большевизировано Заводское совещание Уральского района (орган регулирования, доставшийся от «старого режима»)⁴. ВСНХ, созданный несколько позднее, сразу же признал руководящий орган Заводского совещания (получивший новое название «Исполнительное бюро») своим областным органом [11], стремясь, по причине отсутствия «инфраструктурной власти», опереться на местах на местные силы. Обратим на эти силы более пристальное внимание. Даже на первый взгляд перед нами действительно *нотабли*, т.е. в буквальном смысле люди *заметные*.

А.А. Кузьмин (1876–1920) – сын архитектора. Образование домашнее. Петербургский Горный институт. Богатый домовладелец, математик, музыкант. С 1905 года большевик. Учитель в рабочих школах. В 1905–1907 годах был связан с боевыми дружинами. В 1908–1910 годах – одиночное заключение. В 1910 году директор завода на Урале (организатор профсоюза, ячейки РСДРП(б) и забастовки на заводе). Затем инженер на Лысьвенском заводе. Избран рабочими на II Всероссийский съезд Советов.

Б.В. Дидковский (1883–1938) – сын офицера. Образование – кадетский корпус, Петербургский энергетический институт, университет, математический факультет (исключен в 1905 году), бакалавр геологии Женевского университета. Геолог Николае-Павдинского Горного округа (далее – ГО). Член РСДРП с 1902 года. После Февраля делегат I Уральского областного съезда Советов в Перми и I Всероссийского съезда Советов. С января 1918 года член Президиума Уральского Облсовета. С февраля – председатель Президиума Облсовета и товарищ областного комиссара производства.

А.М. Маслов – горный инженер на Пермских пушечных заводах, меньшевик, председатель союза инженеров и техников ППЗ. Организатор первого на Урале Делового совета (как совещательного органа при Горном начальнике ППЗ из представителей инженерно-технического персонала и рабочих). Избран на I съезд по организации управления национализированными предприятиями Урала, вошел в созданное на этом съезде Областное правление национализированных предприятий Урала⁵.

В.Н. Андронников (1885–1942) – член РСДРП(б) с 1905 года. Профессиональный революционер. После октября 1917 года председатель Екатеринбургского окружного Совета и член исполкома Уральского Облсовета. С января 1918 года – председатель Облсовета и Областного Совета комиссаров Урала и ИБ Заводского совещания, с марта 1918 года – областной комиссар производства.

В.М. Быков (1880–1925) – сын мелкого торговца. Образование – Уральское горное училище. Техник. Член РСДРП(б) с 1904 года. После Февраля – член Екатеринбургского комитета РСДРП(б), Совета Р.С.Д.

П.Л. Войков (1888–1927). Образование – гимназия (исключен), физико-математический факультет университета. Член РСДРП с 1903 года (большевик с августа 1917 года). Профессиональный революционер. С августа 1917 года – в Екатеринбурге, участвует в организации профсоюзов. Секретарь Уральского Областного Совета профессиональных союзов. После Октября – председатель Екатеринбургской городской думы, председатель Заводского совещания Уральского района (декабрь 1917 – январь 1918 года). Член исполкома Облсовета, областной комиссар снабжения.

⁴ В своем новом составе Бюро было переименовано в Исполнительное Бюро [24, л. 203–204].

⁵ Далее в тексте будут отображаться более краткие именованья этого органа – «ОПНПУ» или просто «Областное правление».

Данные кратких биографий не дают оснований для полноценного атрибутивного анализа. Но мы уже видим группу неординарных деятелей, обладающих мощным символическим капиталом, своеобразной удвоенной харизматической легитимностью: инженеров-технократов с женевскими и петербургскими дипломами и профессиональных революционеров – признанных «вождей».

Что касается обнаружения и определения характера связей, возникших между этими лицами, то для сетевого анализа у нас еще меньше оснований. Ясно только, что ядро этой группы составляли люди одной команды, большевики, консолидированные в рамках исполкома Областного Совдепа и способные к совместным действиям, что мы видим в эпизоде захвата Заводского совещания⁶.

Что же касается легитимации, то характерно что эта группа (новое Бюро Заводского совещания, ставшее «исполнительным») тут же предложила параллельно созданной Первой конференции фабзавкомов Урала сделать последние своими исполнительными органами на местах, то есть признать Исполнительное Бюро своим центром. Эта вполне естественная в революционную эпоху цель – получить легитимность из рук «масс» – была достигнута без труда. Далее в январе 1918 года по инициативе Исполнительного Бюро Заводского совещания состоялась I Уральская конференция (съезд) по организации управления бывшими казенными и национализированными заводами, на которой было избрано Областное правление национализированными предприятиями Урала (далее – ОПНПУ), которое, кстати, было подчинено Облсовету, а не ВСНХ [12, с. 113–114]. Вполне предсказуемым оказалось, что ядро ОПНПУ составили те же А.А. Кузьмин, Б.В. Дидковский и А.П. Ларионов, А. Маслов и И.И. Карякин (последний – обладатель более пролетарской биографии⁷, как и А. Маслов, пришел из Делового совета Мотовилихинского завода). Ход заседаний Съезда полностью контролировался лидерами, чьи резолюции принимались практически без прений, если не считать представителей Союза инженеров и техников, активно отстаивающих место для *своей корпорации* в новых экономических органах.

Эти же люди заняли ключевые посты в созданных при исполкоме Облсовета областных экономических комиссариатах: комиссариат производства – В.Н. Андронников, А.А. Кузьмин и Б.В. Дидковский; снабжения – П.Л. Войков и В.М. Быков. Комиссаром финансов стал Ф.Ф. Сыромолотов⁸, также пришедший из исполкома Облсовета [25, л. 127].

Таким образом, на Урале до, вне и независимо от центра сложилась самостоятельная группа *нотаблей*, получивших, так сказать, «революционную легитимность» не сверху, но от *контролируемых* ими «низов». Это последнее обстоятельство обусловило яркую приверженность уральских лидеров принципам демократических выборов ОПНПУ⁹ [26, с. 322–326].

Определить этих нотаблей как *патронов* в контролируемые ими «рабочие массы» в качестве *клиентов* было бы как минимум смело. Тем не менее мы наблюдаем некий *обмен*; когда массы проявляли к своим лидерам лояльность, получая взамен столь же символический

⁶ Применение сетевого метода могло бы быть продуктивнее. Но, к сожалению, автор узнал о нем много позже момента, когда собирал материал, пропустив, вероятно, соответствующие источники.

⁷ Из рабочих, образование – начальное училище при детском приюте. Рабочий с 13 лет. Член РСДРП(б) с 1904 года. Участник революции 1905–1907 годов, член Мотовилихинского ревкома и Пермского комитета партии. Один из организаторов профсоюза металлистов в Мотовилихе. В 1908–1917 годах в ссылке. После Февраля председатель ФЗК Мотовилихинских заводов, делегат VI съезда РСДРП(б). С февраля 1918 член Областного правления национализированных предприятий Урала, одновременно член ДС Мотовилихинских заводов.

⁸ Из рабочих, окончил Уральское горное училище. Горный техник, с 1901 года секретарь полуполюгального общества горных техников Урала. В революционном движении – с 1897 года. С 1905 года – профессиональный революционер. После Февраля – секретарь Троицкого комитета РСДРП(б) в Петербурге. После октября 1917 года отозван в Екатеринбург, член Областного комиссариата – комиссар финансов, член обкома и исполкома Облсовета.

⁹ Попытки придерживаться принципов выборности всей системы управления, несмотря на противодействие ВСНХ и СНК, продолжались до лета 1918 года, когда от него все же отказались при создании Уральского областного СНХ [27, л. 20-21].

дар – перспективу поддержания заводской жизни посредством планомерной организации производства и распределения.

Какие же интересы присвоила себе эта группа новых «хозяев» и «правителей», превратившихся вскоре в «особую категорию технически-распорядительной аристократии» [28, л. 20]. Специфические приоритеты новой формирующейся экономической элиты отчетливо проявились, во-первых, в повестках дня экономических съездов того периода, во-вторых, в характере их практической деятельности по «планомерной организации производства и распределения».

Так, в ходе работы I Всероссийского съезда СНХ, а особенно в прениях по резолюциям отчетливо отразилось предпочтение проблемам перераспределения экономической власти. Если весь объем, занятый в стенограмме изложением прений по резолюциям, принять за 100 %, то его распределение окажется следующим (%) [1]:

Положение о ВСНХ	34,4
Положение об управлении национализированными предприятиями.....	25,2
Резолюции:	
О поднятии производительности труда	15,6
Организация промышленности и ее ближайшие задачи.....	8,2
О товарообмене	6,5
О кооперации	5,1
Экономическое положение и экономическая политика.....	–
Резолюция по докладу сельскохозяйственной секции	–

Таким образом, вопросы распределения власти занимают (с учетом прений о производительности труда, т.е. о подчинении рабочих коллективов) 80 % всего времени. Показательно соотношение времени на прениях: по проблеме организации *промышленности* (8,2 %) и организации *аппарата управления* промышленностью (59,6 %). Известно, что организационная структура должна определяться выполняемой функцией. Однако перспектива обсуждения «функционала» не вдохновила делегатов. Что же касается резолюции «Экономическое положение и экономическая политика», то она была поставлена на обсуждение первой, но не обсуждалась вообще.

Столь же показательными в этом отношении являются материалы региональных съездов. Самый ранний из них – уральский [29] состоялся еще в январе 1918 года. В отличие от общероссийского съезда его делегатами были не функционеры хозорганов, которые к маю 1918 года уже сложились и обособились от масс, а делегаты от заводских Совдепов, фабзавкомов и редких еще Деловых советов. О заинтересованности, компетентности и влиянии различных групп делегатов можно судить по количеству и содержанию их докладов. Так, больше половины докладов и содокладов о состоянии горных округов было сделано представителями Союза инженеров и техников. Совершенно иная картина рисуется в ходе обсуждения докладов, касающихся организации экономической власти. Здесь господствует другая, уже знакомая нам группа – три важнейших доклада из пяти, посвященных организации системы управления, были сделаны А.А. Кузьминым и В.Н. Андронниковым.

Делегаты Уральского II съезда по организации управления предприятиями, имея уже полугодовой опыт, вели себя более активно, продемонстрировав однозначное предпочтение вопросам власти: из 216 делегатов 93 (то есть более 43 %) пожелали участвовать в работе именно организационной секции, а фактически число ее участников было еще больше [30, с. 77]. Это может объясняться также и несколько иным составом данного форума, где доминировали представители не ФЗК и Совдепов, а Деловых советов – органов управления заводами и округами, уже получившими некоторый опыт и понявшими значимость так называемых «оргвопросов».

Анализ содержания докладов, сделанных на этих съездах, также демонстрирует систему приоритетов. Так, в своем вступительном слове на II съезде по организации управления предприятиями Урала А. Кузьмин формулировал главную задачу в деле организации производства как необходимость «...создать один завод, который покрывал бы всю уральскую промышленность в целом» [31, л.60б]. Весь его основной доклад по оргвопросам также был посвящен пропаганде централизации, идеи организации единого общеуральского треста, а также резкой критике самостоятельности предприятий [31, л. 95–107]. Показательным представляется факт, что идея общеуральского треста, глобального укрупнения уральских округов (38 округов со 106 заводами планировалось свести в 9, организовав при этом масштабное переселение рабочих) занимала центральное место в планах уральского руководства в сентябре – ноябре 1918 года, когда Гражданская война на Урале уже шла полным ходом, а реальные проблемы предприятий были чрезвычайно далеки от подобных проектов [25, л.50–54; 32, л.33-34; 33, л. 29об].

Основное внимание делегатов I съезда СНХ Северной области (июль 1918 года) было также направлено на проблемы «собирания власти». Один из руководителей СНХ СР А. Катинь сравнил новое хозяйственное руководство с «собирающими старое Московское царство», которым «приблизительно таким же образом приходится поступать» [34, с. 144]. Организаторы съезда не без чувства удовлетворения обращали внимание на то, что «...жажда к организационным планам, к выяснению организационной схемы, к уничтожению старых, мешающих этому делу препятствий в виде старых земств, разных остатков старых министерств и т.д. настолько ярко давали себя чувствовать, что даже прения по остальным вопросам порядка дня, как, например, об организации производства и др., а также доклады с мест сводились к требованиям об уничтожении пережитков старины» [34, с. 5]. Резолюция же по оргвопросам была принята единогласно, так как «наиболее полно отразила общие воззрения и наболевшие нужды местных советов, особенно в пункте о полном объединении в одном органе всех иных (то есть конкурирующих – *К.Т.*) аппаратов экономической власти на местах» [34, с. 5].

Материалы экономических съездов и основные конституирующие акты различных органов управления показывают, что приоритетом их деятельности явилось «собирание» экономической власти путем сосредоточения функций *распределения* финансовых и материальных ресурсов через соответствующие «распределительные аппараты». Вопрос о распределении всегда непосредственно связывался, во-первых, с задачей лишения предприятий экономической самостоятельности и, во-вторых, понимался только как вопрос о сосредоточении этой функции именно в руках «своего» органа и отстранении конкурента.

Проблемы организации *управления* и организации *производства* никогда не были связаны единым контекстом. Автору не удалось обнаружить документальных следов каких-либо производственных программ, предусматривающих координацию работы заводов и округов региона по выпуску продукции и организации соответствующих ресурсных потоков между ними. Документов, составленных, например, по такой схеме: «Заводу «А» обеспечить к такому-то сроку выпуск продукции «х». Заводам «В» и «С» поставить заводу «А» комплектующие «у» и «z». Управлению железной дороги по согласованию с ДС заводов «В» и «С» обеспечить своевременную доставку» и т.д., обнаружить не удалось. Складывается впечатление, что «плановая организация» должна была сводиться к тому, что все предприятия складывали бы свои ресурсы (запасы сырья, готовой продукции и полуфабрикатов) в одну большую кучу, на вершине которой восседал бы А. Кузьмин и накладывал бы на прошения от заводов резолюции: «отказать», «выдать» и т.п. Правда, на основании каких производственно-экономических резонансов выносились бы подобные «отказать», «выдать», непонятно. Таким образом, централизованное распределение воспринима-

лось хозяйственным руководством не как средство организации и подъема промышленного производства, а как средство концентрации экономической власти.

Факт, что интересы концентрации власти полностью подчиняли себе интересы экономики, подтверждается анализом практики, основным содержанием которой была межведомственная борьба и подчинение предприятий (коллективов).

Что касается межведомственной борьбы, то, по словам Н. Осинского, «...противники централизации, поскольку дело идет о подчинении органам, стоящим выше, оказываются ярыми централистами по отношению к органам, стоящим ниже» [35, с. 54]. Именно сугубо ведомственные интересы «собираания власти» воспринимались фракциями хозяйственного руководства как «общегосударственные» и «общеклассовые».

Эту линию противоречий наиболее ярко иллюстрируют взаимоотношения уральского руководства с ВСНХ и нижестоящими губернскими совнархозами. Трения по первой линии начались уже с ноября 1918 года, когда ВСНХ попытался взять контроль над уральской промышленностью, организовав через месяц после появления ОПНПУ «Уралсекцию ВСНХ» на основе дореволюционных Петроградских правлений уральских горных округов. Между Уралсекцией и областным правлением шла конкурентная борьба [31, л. 91–93, 108; 36, с. 110, 125, 134–135]. Однако петроградские клерки вряд ли могли быть тем ресурсом, опираясь на который можно было подчинить уральских нотаблей. Время клерков еще не пришло и Уралсекцию ликвидировали. Летом 1918 года между уральским руководством и ВСНХ продолжалась тяжба по вопросу о разграничении полномочий, в ходе которых было наконец утверждено компромиссное положение об СНХ Уральской области [25, л. 1–1об].

Одновременно областные СНХ, с той или иной степенью активности отстаивающие свою независимость от центра, проводили довольно жесткую политику в отношении совнархозов более низкого уровня. Так, на сентябрьском совместном заседании Уральского ОблСНХ и Пермского ГубСНХ представителями последнего было сделано следующее заявление, после которого они демонстративно покинули заседание: «С самого возникновения Облсовнархоза и Губсовнархоза явился вопрос о разграничении работы этих двух экономических организаций... Чем далее, тем более острую форму принимал этот вопрос и, не получая своего разрешения, вносил путаницу в работу, тормозил проведение всех необходимых мероприятий в области хозяйственной жизни» [25, л. 30–30об]. В ответ представители ОблСНХ выступили с «разъяснением», что после образования областного органа функции ГубСНХ должны быть сокращены, ибо «излишние организации бесполезно оттягивают от работ классово выдержанные силы» [25, л. 21об].

Один из хозяйственных руководителей Пермской губернии, оценивая этот опыт 1918 года, утверждал, что «...народное хозяйство Урала не могло успешно налаживаться, так как существовали вечные трения между губернским СНХ и областной организацией, которая сама не могла никак организоваться» [37]. Характерно, что данный деятель одновременно подверг критике уездные экономические отделы за... их местнические настроения, выраженные в нежелании «сдавать в губернский котел» имеющиеся ресурсы, хотя буквально перед этим обвинял областной СНХ именно в том, что последний требовал отдавать в область те ресурсы, «которые нужны самой губернии» [37]. Напряженными были также отношения между ОблСНХ и рядом других ГубСНХ, входящих в Уральскую область [31, л. 178–179].

Положение на Урале осложнялось еще и параллельным существованием Областного правления национализированными предприятиями и Областных экономических комиссариатов при Облсовете, несмотря на то, что изначально эти органы были созданы одной группой единомышленников. Так, в июле 1918 года Комиссариат финансов направил в Областное

правление документ следующего содержания: «Благоволите воздержаться от непосредственных указаний органам, совершенно вам не подчиненным, и избавить нас от совершенно ненужной переписки, которая плодится в результате непонимания своих прав и обязанностей по отношению даже к вашему собственному делу» [25, л. 229, 280]. В ответ Областное правление просило «избавить его от бумажек такого тона».

По вопросу о разделе сфер власти с января по август 1918 года также шла борьба в самом «центре» – между ВСНХ и Наркомфином и стоящим за ним СНК [38, с. 44–48]. Попытка ВСНХ подчинить себе комиссариат финансов и сосредоточить всю экономическую власть, став своего рода экономическим совнаркомом (что, в общем-то, соответствовало идеям централизации и «организационной стройности») встретила сопротивление СНК [38, с. 326], который «...решительно отверг попытки президиума ВСНХ превратить ВСНХ в единый и притом направляющий всю экономическую политику центр и тем самым как бы противопоставить его руководству партии и правительства» [39, с. 273–275, 279–283]. Таким образом, СНК, являясь безусловным сторонником и главным инициатором централизации экономической жизни, выступал, однако, ее противником, если таковая угрожала его положению. В этом случае СНК становился сторонником децентрализации и «разделения властей». Отдельная история – борьба отраслевых корпораций – главков и центров – с Совнархозами всех уровней.

Противостояние региональных СНХ, с одной стороны, и главков и центров – с другой, – отдельная страница истории становления новой экономической власти. Достаточно упомянуть изданное Ю. Лариным в марте 1918 года «самочинное» Постановление об управлении национализированными предприятиями, предполагавшее назначение главками на заводы директоров, что подразумевало фактическую ликвидацию совнархозов. Но региональные корпорации оказались на тот момент сильнее.

Надо отметить, что еще в январе 1918 года на Первой конференции ФЗК Петрограда в адрес хозяйственных учреждений раздавались упреки в том, что «...наши верха, наши организации, центральные прежде всего, занимаются борьбой между собой, борьбой за ту или другую центральную власть, за тот или другой верховодящий орган для того, чтобы завоевать эту власть» [40, л.77]. К лету 1918 года ситуация только обострилась.

В этой обстановке войны всех против всех создание какой-либо системы централизованного распределения и регулирования промышленности было невозможно. Однако, несмотря на это, разрушение единственной альтернативной системы – рыночной, уже и без того находящейся в глубоком кризисе, продолжало выступать как главнейшее направление деятельности всех хозяйственных ведомств – как центральных, так и региональных вне зависимости от их взаимоотношений. Попытки предприятий (в лице ФЗК и ДС) самостоятельно поддержать свое существование, наладив рыночный товарообмен, складывающийся при этом альянс между органами «революционного самоуправления» и старыми владельцами (или «царской» администрацией казенных заводов), – тема, требующая отдельного рассмотрения. Можно, вероятно, интерпретировать эту ситуацию в духе Р. Лахмана как конфликт между двумя элитами за возможность присвоения продукта «производящих классов» [41, с. 31–40]. Однако этот конфликт не мог создать для рабочих коллективов того межэлитного «стратегического зазора», воспользовавшись которым они могли реализовать свои интересы. Все попытки предприятий самостоятельно выжить в условиях общего экономического полураспада предсказуемо оказались несостоятельными. Это резко усиливало позиции новой власти, так как, например, уральские заводы и округа все чаще были вынуждены «выпрашивать ссуды» у Областного правления. А. Маслов отмечал, что на заводах «рабочие волнуются, не видя ближайшего будущего своих заводов, не имея средств к существованию и... всю надежду возлагают на нас» [31, л. 116].

Однако само Областное правление не имело необходимых ресурсов. В силу своей природы оно не могло быть органом, способным обеспечить функционирование промышленности региона и сосредоточить в своих руках полученный в результате этой организации продукт. Посему оно на протяжении всего рассматриваемого периода, в свою очередь, само постоянно обращалось за помощью в центр. «Планомерность мы проведем, – было заявлено в докладе исполнительного Бюро Заводского совещания еще на I Съезде по организации управления предприятиями Урала, – если будут даны деньги из центра» [29]. Очевидно, что центр мог обеспечить регионы деньгами только при помощи печатного станка.

Однако при этом ни о какой зависимости от «центра» не могло быть и речи: уральское руководство требовало финансирования как интенсивного, так и безотчетного, претендуя при этом на роль независимого монополиста в деле распределения полученных ресурсов [31, л. 150–173]. Руководство Областного правления весьма своеобразно относилось к понятию финансовой дисциплины, когда речь шла об отчетности перед вышестоящими органами. В адрес ВСНХ раздавались обвинения в «бюрократических требованиях» о предоставлении смет подчиненных предприятий [31, л. 171; см. также л. 108, 144–145].

Пермская окружная учетно-контрольная коллегия была вынуждена констатировать, что «бесконтрольное ведение дел и фактическое отсутствие бухгалтерского учета на национализированных заводах создало возможность... безучетного получения и расходования громадных денежных сумм, причем были введены такие упрощения и изменения действовавшего до сего времени порядка поступления государственных доходов и производства государственных расходов, которые совершенно недопустимы с общегосударственной точки зрения» [42, с. 161–163].

Основной аргумент, оправдывающий такую позицию, сводился к тому, что в результате массовых финансовых вливаний «...мы обесценим эти деньги до нуля, чтобы ценою финансового банкротства поднять нашу горную промышленность и создать определенное количество материальных ценностей, которые ничем уже не обесценишь» [31, л. 164; см. также л. 157–159, 173]. Однако на практике финансовый крах последовал немедленно, а эти ценности, на основе которых предполагалось организовать распределение без участия дензнаков, так и не были созданы. А. Маслов утверждал, что все уральские заводы объединяло только то, что «все они получали каждый месяц деньги; получали и заводы, не имеющие никакой работы» [31, л. 116].

Такая «щедрая» политика Областного правления вполне объяснима: безудержное финансирование усиливало зависимость предприятий от ОПНПУ, превращая рабочие коллективы, по сути, в *клиентелу* региональных *нотаблей*. Только теперь, в отличие от января 1918 года, в обмен на лояльность рабочие коллективы получали уже не векселя «светлого будущего» в виде обещаний «планомерной организации», а непосредственно дензнаки. Вопрос, правомерно или нет описывать эти взаимодействия в терминах патроната-клиентелы, мы можем, однако, снять с повестки по той простой причине, что эта модель – как бы мы ее ни определяли – рухнула в ближайшие же месяцы вместе с промышленностью. Инфляционное финансирование, разрушая денежную систему, окончательно подрывало ту инфраструктуру «вольного рынка», в рамках которой заводы могли (теоретически) наладить товарообмен. «Планомерная же организация» состоялась лишь в резолюциях.

В результате, по признанию председателя комитета хозяйственной политики ВСНХ Ю. Ларина, новый режим просуществовал свой первый год «...только потому, что мы были сравнительно богаты запасами, доставшимися нам от буржуазии... Даже при нашей бессистемности хозяйства, даже при отсутствии плана благодаря большим запасам мы просуществовали этот год... Без сомнения, – добавлял Ларин, – если этого плана не будет и впредь, то мы

все же будем существовать. Правда, гораздо хуже – в этот год нам придется усмирять больше всяких восстаний, но существовать мы будем» [1, с. 19].

Действительно, неизбежное в этих условиях внедрение в практику методов прямого насилия по отношению к рабочим массам (а также и к крестьянству, что связано с неизбежным неэквивалентным обменом с деревней) также не могло способствовать расширению социальной опоры и легитимности режима. Протесты и восстания рабочих множились, региональные нотабли лишались легитимности и попадали в зависимость от центральной политической власти, единственной способной защитить их.

Таким образом, можно говорить об окончательном оформлении особой экономической власти, институционализированной как конгломерат олигархических корпораций (ведомственных кланов или клик), «захвативших революционное государство». Этим «неопатримониальным» группам имманентно было присуще как отчуждение от «масс», так и имманентное отрицание рынка. Эти группы не могли выступать в качестве эффективного собственника, ибо сама их природа исключала механизм координации действий предприятий. Поэтому неизбежно роль рынка взяла на себя (в весьма специфических формах) политическая власть, в какой-то степени подчинившая себе эти ведомственные группы, присвоив право верховной собственности (*dominium directum*), оставив ведомственным кланам лишь *dominium utile*, что делало собственность условной, а самой системе придавало феодальные черты.

Вторжение политической власти на поле власти экономической потребовало применения специфических инструментов как подчинения масс, так и дисциплинирования элит (последнее уже произошло в 1930-е годы [43]). Сложившаяся в таком виде экономическая власть, пройдя сквозь все кризисы и реформы, сохраняла свою самотождественность и продолжает существовать, поскольку общество сохраняет институциональную преемственность. Однако, говоря языком структурализма, в данную систему с самого начала ее формирования были парадоксальным образом включены ее несистемные элементы в виде рыночных взаимодействий, составлявших как бы «второй контур» экономики. Можно говорить о неких «структурных дырах» в институциональной системе экономической власти, заполнявшихся рыночными (с приставкой «квази») элементами¹⁰. Причем иногда в обоих «контурах» действовали одни и те же акторы (например, директора советских заводов с их подпольными цехами). На протяжении всей советской истории это создавало потенциальную возможность рыночной инверсии системы (НЭП, «шоковая терапия»), которая, однако, так и не была реализована. Но наличие этого противоречия, этих «внесистемных элементов»¹¹, просматривающихся как на уровне институтов, так и на уровне практик и соответствующих групп элит, позволяет поставить вопрос, могут ли они в конечном счете все же стать источником смены актуальной российской институциональной матрицы, порождающей до сих пор неэффективные формы власти и собственности. Иными словами, есть ли основания для потенциальной возможности превращения олигархов в капиталистов «*in spite of themselves*» [41]?

Список литературы

1. Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства (15 мая – 4 июня 1918 г.). Стенографический отчет. – М., 1918.
2. Заявление члена завкома Юго-Камского завода П.Л. Каменских // ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф.822. Оп.1. Д.5.

¹⁰ Может, более плодотворным с точки зрения исследовательских перспектив будет описание этой ситуации в терминах «наложения сетей социальных взаимодействий» М. Манна? [44, р. 1–70].

¹¹ Возвращаясь к вопросу о «сетях социальных взаимодействий», стоит обратить внимание на идею М. Манна об «эмерджентальных сетях», являющихся источником социальных изменений.

3. Чураков Д.О. Рабочее самоуправление в России. Фабзавкомы и революция 1917–1918 гг. – М.: Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2015.
4. Народное хозяйство СССР в 1917–1920 гг. Биографический указатель книжной и журнальной литературы на русском языке (1917–1963 гг.). – М.: Наука, 1967 – 618 с.
5. Игнатенко Т.А. Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР. – М., 1971.
6. Михайлов И.В. Англо-американская буржуазная историография о рабочем контроле в период Великого Октября // История СССР. – 1976. – № 5. – С. 206–213.
7. Виттенберг Е.Я., Дробижев В.З. Рабочий класс и профсоюзы СССР. Критика зарубежных и ревизионистских концепций. – М., 1980.
8. Антонов А.Д. Историография Октябрьской социалистической революции и упрочения Советской власти на Урале (март 1917 – июль 1918 гг.). – Пермь, 1975.
9. Камынин В.Д. Историография истории рабочего класса Урала переходного периода (1917–1937). – Свердловск, 1987.
10. Титов К.В. Становление институциональной системы экономической власти в революционной России: Проблема социальной инверсии, октябрь 1917 – сентябрь 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пермь, 1997. – 258 с.
11. Мау В. Реформы и догмы. 1914–1929. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. – М.: Дело, 1993.
12. Филоненко А.Л. ВСНХ: идея и реальность. – Магнитогорск, 1998.
13. Буданов А.В. Становление органов рабочего управления национализированным производством Урала (1917 – май 1918 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-oreanov-rabocheeo-upravleniya-natsionalizirovannym-proizvodstvom-urala-1917-may-1918-gg> (дата обращения: 29.03.2019).
14. Абрамовский А.П., Буданов А.В. От рабочего контроля к рабочему управлению в Златоустовском казенном горном округе в 1917–1918 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ot-rabocheego-kontrolya-k-rabochemu-upravleniyu-proizvodstvom-v-zlatoustovskom-kazennom-gornom-okruge-v-1917-1918-godah> (дата обращения: 29.03.2019).
15. Люхудзаев М.М. Левые эсеры и развитие промышленности Урала в первой половине 1918 года // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2 т. – Екатеринбург: УрО РАН, 2018. – Т. 2. – С. 82–90.
16. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. – М.: Рос. экон. школа, 1998.
17. Гельман В.Я. «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России // Политика. – 2010. – №2
18. Гельман В. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. – СПб.: Изд-во Евр. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015.
19. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. – 2007. – № 6.
20. Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. – 2017. – № 4.
21. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009.

22. Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeens Century France. – Oxford: Oxford University Press, 1986.
23. Ле Руа Ладюри Э. Королевская Франция (1460–1610). От Людовика XI до Генриха IV. – М.: Международные отношения, 2004. – 416 с.
24. Протокол заседания Заводского совещания от 30.11.17г. // ГАСО (Государственный архив Свердловской области).. Ф 1-р. Оп. 1. Д. 230.
25. Протоколы заседаний Уральского областного СНХ. Доклад комиссариата производства от 23.02.18 // ЦДОО СО (Центр документации общественных объединений Свердловской области). Ф.41. Оп.1. Д.88.
26. Инструкция по организации производства в национализированных предприятиях Урала, утвержденная III Областным съездом Советов 11.02.1918 // Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции: сб. докл. и материалов. – Свердловск: Кн. изд-во, 1957.
27. Положение об организации ОблСНХ Урала // ЦДОО СО. Ф.41. Оп.2. Д.352
28. Тезисы Оргбюро Союза металлистов ко Второму съезду национализированных предприятий Урала // ГАСО. Ф.1 Оп.1 Д. 7.
29. Протоколы I Съезда по организации управления казенными и национализированными заводами Урала // ГАСО. Ф.1-р. Д. 230.
30. Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1921 гг.). – М.: Наука, 1974. – 346с.
31. Протоколы II Съезда по организации управления национализированными предприятиями Урала // ЦДОО СО. Ф.41. Оп.1. Д.90.
32. Протоколы областной конференции профсоюза металлистов, горнорабочих и железнодорожников Урала 13-18 09. 1918 г. // ГАСО. Ф.266-р. Оп. 1. Д.25.
33. Протоколы заседаний Уральского Областного СПС от 5.11 1918 // ЦДОО СО. Ф.41. Оп.1. Д.91.
34. Первый съезд Советов народного хозяйства Северной области: стенограф. отчет (11–14 июня). – Петроград: Новый путь, 1918.
35. Осинский Н. Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. – М.: Коммунист, 1918. – 159 с.
36. Извещение ВСНХ об образовании коллегии Уралсекции 22. 02.18; Телеграмма ОП-НПУ в ВСНХ о немедленном упразднении Уралсекции 2.04.18; Протокол Горнозаводского отдела ВСНХ о ликвидации Уралсекции 12.04.18 // Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 – июль 1918): сб. докл. – Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1958.
37. Протоколы пленума Пермского губернского Совета народного хозяйства по вопросам производственных отделов с приложением докладов и резолюций за период с 25–27 октября 1919 г. // ГАПК. Ф.Р-10. Оп.1. Д.27.
38. Протоколы Президиума ВСНХ. Декабрь 1917–1918 гг.: сб. докл. – М.: Наука, 1991.
39. Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. Т.1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 764 с.
40. Выступление представителя з-да Баранова в прениях по докладу о деятельности ЦС ФЗК на VI конференции ФЗК г. Петрограда 22-27. 01. 1918 // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.472. Оп.1. Д.7а.
41. Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени. – М.: Территория будущего, 2010. – 456 с.

42. Доклад Пермской окружной учетно-контрольной коллегии Народному комиссариату Госконтроля о положении и перспективах развития национализированной промышленности Урала. 29.06.1918 // Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 – июль 1918). – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1958.

43. Истер Д. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. – М.: РОССПЭН, 2010.

44. Mann M. *Societies as Organized Power Networks* // Mann M. *The Sources of Social Power*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – Vol.1; *A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. – P. 1–70.

References

1. Trudy I Vserossiiskogo s'ezda sovetov narodnogo khoziaistva (15 maia 4 iunia 1918g.) Stenograficheskii otchet. Moscow, 1918.
2. Zaiavlenie chlena zavkoma lugo-Kamskogo zavoda P.L. Kamenskikh [Statement by a member of the factory committee of the South-Kama plant, P.L. Kamensky]. GAPP (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f.822, op., d.5.
3. Churakov D.O. Rabochee samoupravlenie v Rossii. Fabzavkomy i revoliutsiia 1917-1918 gg. [Workers' self-government in Russia. Factory committees and the revolution of 1917-1918.]. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2015.
4. Narodnoe khoziaistvo SSSR v 1917-1920 gg. [The national economy of the USSR in 1917-1920.]. Biograficheskii ukazatel' knizhnoi i zhurnal'noi literatury na russkom iazyke (1917-1963 gg.). Moscow, «Nauka» 1967, 618 p.
5. Ignatenko T.A. Sovetskaia istoriografiia rabocheho kontroliia i natsionalizatsii promyshlennosti v SSSR [Soviet historiography of workers' control and nationalization of industry in the USSR.]. Moscow, 1971.
6. Mikhailov I.V. Anglo-amerikanskaia burzhuaznaia istoriografiia o rabochem kontrole v period Velikogo Oktiabria [Anglo-American bourgeois historiography about workers' control during the Great October Revolution]. *Istoriia SSSR*, 1976, no. 5, pp. 206-213.
7. Vittenberg E.A., Drobizhev V.Z. Rabochii klass i profsoiuzy SSSR. Kritika zarubezhnykh i revizionistskikh kontseptsii [The working class and the trade unions of the USSR]. Moscow, 1980.
8. Antonov A.D. Istoriografiia Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii i uprocheniia Sovetskoi vlasti na Urale (Mart 1917 – iul' 1918gg.) [Historiography of the October Socialist Revolution and the consolidation of Soviet power in the Urals (March 1917 – July 1918)]. Perm', 1975.
9. Kamynin V.D. Istoriografiia istorii rabocheho klassa Urala perekhodnogo perioda (1917-1937) [Historiography of the history of the working class of the Urals transition period (1917-1937)]. Sverdlovsk, 1987.
10. Titov K.V. Stanovlenie institutsional'noi sistemy ekonomicheskoi vlasti v revoliutsionnoi Rossii: Problema sotsial'noi inversii, oktiabr' 1917 sentiabr' 1918 gg. [The formation of the institutional system of economic power in revolutionary Russia: The problem of social inversion, October 1917 - September 1918.]. Ph. D. thesis, available at: <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-institutsionalnoi-sistemy-ekonomicheskoi-vlasti-v-revolutsionnoi-rossii-probl-s#ixzz5ie15htZ6> (дата обращения: 29.03.2019)
11. Mau V. Reformy i dogmy. 1914-1929. Ocherki istorii stanovleniia khoziaistvennoi sistemy sovetskogo totalitarizma [Reforms and dogmas. 1914-1929. Essays on the history of the development of the economic system of the Soviet totalitarianism]. Moscow, Delo, 1993.
12. Filonenko A.L. VSNKH: ideia i real'nost' [Supreme Council of National Economy: idea and reality]. Magnitogorsk, 1998.
13. Budanov A.V. Stanovlenie organov rabocheho upravleniia natsionalizirovannym proizvodstvom Urala (1917-mai 1918 gg.) [Formation of the workers' management bodies of the nationalized production of the Urals (1917-May 1918)], available at: <file:///C:/Users/%D0%94%D1%80%D1%83%D0%B3/Downloads/Stanovlenie-organov-rabocheho-upravleniia-natsionalizirovannym-proizvodstvom-urala-1917-mai-1918-gg.pdf> (дата обращения: 29.03.2019)
14. Abramovskii A.P., Budanov A.V. Ot rabocheho kontroliia k rabochemu upravleniiu v Zlatoustovskom kazennom gornom okruge v 1917-1918 gg. [From workers' control to workers' management in the Zlatoust state mining district in 1917-1918.], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-rabocheho-kontroliia-k-rabochemu-upravleniiu-proizvodstvom-v-zlatoustovskom-kazennom-gornom-okruge-v-1917-1918-godah> (дата обращения: 29.03.2019)
15. Liukhudzaev M.M. Levye esery i razvitie promyshlennosti Urala v pervoi polovine 1918 goda (2018) [Left SRs and the development of industry in the Urals in the first half of 1918]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniia. Industrial'naia modernizatsiia Rossii v XVIII–XXI vv. Materialy XIII vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg, 18–19 oktiabria, 2018 g. Ekaterinburg, Ural'skoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk, 2018, vol. 2, pp. 82-90.
16. Polterovich V.M. Institutsional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy [Institutional traps and economic reforms]. Moscow, Rossiiskaia ekonomicheskaiia shkola, 1998.
17. Gel'man V.A. «Podryvnye instituty i neformal'noe upravlenie v sovremennoi Rossii» [“Subversive institutions and informal management in modern Russia”]. *Politiia*, 2010, no. 2.
18. Gel'man V. Modernizatsiia, instituty i «porochnyi krug» postsovetskogo neopatrimonializma [Modernization, institutions and the “vicious circle” of post-Soviet neo-patrimonialism]. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2015.
19. Fisun A. Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhimy: genesis, osobennosti, tipologiia [Post-Soviet Neopatrimonial Regimes: Genesis, Features, Typology]. *Otechestvennye zapiski*, 2007, no. 6.
20. Il'in V.I. Struktura istoricheskoi kolei Rossii: problemy metodologii [The structure of the historical rut of Russia: problems of methodology]. *Mir Rossii*, 2017, no. 4.
21. Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva [Coercion, capital and European states]. 990-1992 gg. Moscow, Territoriiia budushchego, 2009.
22. Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth Century France. Oxford, Oxford University Press, 1986.
23. Le Roy Ladurie E. Korolevskaia Frantsiia (1460-1610) Ot Liudovika XI do Genrikha IV [L'Etat royal De Louis XI à Henri IV (1460 - 1610)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, 416 p.
24. Protokol zasedaniia Zavodskogo soveshchaniia ot 30.11.17g. [Minutes of the meeting of the Plant meeting from 30.11.17g.] GASO (Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti), f. 1-r, op. 1, d. 230.

25. Protokoly zasedanii Ural'skogo oblastnogo SNKh. Doklad komissariata proizvodstva ot 23.02.18 [Protocols of meetings of the Ural regional CNE. The report of the Commissariat of production from 23.02.18] *TsDOO SO (Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh ob`edinenii Sverdlovskoi oblasti)*, f.41, op.1, d.88.
26. Instruktsia, po organizatsii proizvodstva v natsionalizirovannykh predpriatiiakh Urala, utverzhdenaia III Oblastnym s'ezdom Sovetov 11.02.1918 [Instruction on the organization of production in the nationalized enterprises of the Urals, approved by the III Regional Congress of Soviets 02/11/1918]. *Bol'sheviki Urala v bor'be za pobedu Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii*. Sbornik dokladov i materialov. Sverdlovsk, Knizhnoe izdatel'stvo, 1957.
27. Polozhenie ob organizatsii OblSNKh Urala [Regulations on the organization of the Regional CNE of the Urals]. *TsDOOSO*, f.41, op.2, d.352.
28. Tezisy Orgbiuro Soiuzu metallistov ko Vtoromu s'ezdu natsionalizirovannykh predpriatii Urala [Abstracts of the Organizing Bureau of the Union of Metalworkers to the Second Congress of the Nationalized Enterprises of the Urals]. *GASO*, f.1, op.1, d. 7.
29. Protokoly I S'ezda po organizatsii upravleniia kazennymi i natsionalizirovannymi zavodami Urala [Protocols of the I Congress on the organization of management of state and nationalized factories of the Urals]. *GASO*, f.1-r, d. 230.
30. Baevskii D.A. Rabochii klass v pervye gody sovetsoi vlasti (1917-1921 gg.) [The working class in the early years of Soviet power (1917-1921)]. Moscow, Nauka, 1974, 346 p.
31. Protokoly II S'ezda po organizatsii upravleniia natsionalizirovannymi predpriatiiami Urala [Protocols of the II Congress on the organization of management of nationalized enterprises of the Urals]. *TsDOO SO*, f.41, op.1, d.90.
32. Protokoly oblastnoi konferentsii profsoiuzu metallistov, gornorabochikh i zheleznodorozhnikov Urala 13-18 09. 1918 g. [Protocols of the regional conference of the trade union of metalworkers, miners and railway workers of the Urals 13-18 09. 1918]. *GASO*, f.266-r, op. 1, d.25.
33. Protokoly zasedanii Ural'skogo Oblastnogo SPS ot 5.11 1918 [Minutes of meetings of the Ural Regional CTU of 5.11 1918]. *TsDOO SO*, f.41, op.1, d.91.
34. Pervyi s'ezd Sovetov narodnogo khoziaistva Severnoi oblasti [The first congress of the Councils of the national economy of the Northern region]. Stenograficheskii otchet (11-14 iunia). Petrograd, Novyi put', 1918.
35. Osinskii N. Stroitel'stvo sotsializma. Obshchie zadachi. Organizatsiia proizvodstva [Building socialism. Common tasks. Organization of production]. Moscow, Kommunist, 1918, 159 p.
36. Izveshchenie VSNKh ob obrazovanii kollegii Uralseksii 22. 02.18; Telegramma OPNPU v VSNKh o nemedlennom uprazhnenii Uralseksii 2.04.18; Protokol Gornozavodskogo otdela VSNKh o likvidatsii Uralseksii 12.04.18 [Notification of the Supreme Council of National Economy on the formation of the Uralsection board 22. 02.18; Telegram OPNPU in the Supreme Council of National Economy on the immediate abolition of Uralsection 2.04.18; Minutes of the Gornozavodsky department of the Supreme Economic Council on the liquidation of the Uralex 12.04.18]. *Natsionalizatsiia promyshlennosti na Urale (oktiabr' 1917 - iul' 1918)*. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958.
37. Protokoly plenuma Permskogo gubernskogo Soveta narodnogo khoziaistva po voprosam proizvodstvennykh otdelov s prilozheniem dokladov i rezoliutsii za period s 25-27 oktiabria 1919 g. [Protocols of the Plenum of the Perm Provincial Council of National Economy on Production Department Issues with Attachment of Reports and Resolutions for the Period from October 25-27, 1919]. *GAPK*, f.R-10, op.1, d. 27.
38. Protokoly Prezidiuma VSNKh. Dekabr' 1917-1918gg. [Protocols of the Presidium of the Supreme Economic Council. December 1917-1918 gg.]. Moscow, Nauka, 1991.
39. Venediktov A.V. Organizatsiia gosudarstvennoi promyshlennosti v SSSR. Tom.I [The organization of state industry in the USSR. Vol.I]. Leningrad, lengerskii universitet, 1957, 764 p.
40. Vystuplenie predstavitelia z-da Baranova v preniakh po dokladu o deiatel'nosti TSs FZK na VI konferentsii FZK goroda Petrograda 22-27. 01. 1918 [Speech by a representative of the Baranov plant in the debate on the report on the activities of the Central Board of Factory Committee at the VI Conference of the Factory Committee of Petrograd 22-27.]. *GARF*, f.472, op.1, d.7a.
41. Richard Lachmann. Kapitalisty ponevole konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovania v evrope rannego novogo vremeni [Capitalists in spite of themselves. Elite conflict and economic transitions in early modern Europe]. Moscow, «Territoria budushchego», 2010, 456 p.
42. Doklad Permskoi okruzhnoi ucheto-kontrol'noi kollegii Narodnomu komissariatu Goskontrolia o polozhenii i perspektivakh razvitiia natsionalizirovannoi promyshlennosti Urala 29.06.1918 [A report by the Perm District Accounting and Control Board to the People's Commissariat of State Control on the situation and prospects for the development of the nationalized industry of the Urals. 06.29.1918]. *Natsionalizatsiia promyshlennosti na Urale (oktiabr' 1917 - iul' 1980)*. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958.
43. Ister D. Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazei i samoidentifikatsiia elity v Sovetskoi Rossii [Soviet State Building. The system of personal connections and the identity of the elite in Soviet Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2010.
44. Mann M. Societies as organized power networks. Mann M. The sources of social power. Vol.1. Cambridge, Cambridge university press, 1988, pp.1-70.